

наук средневековья, то сделать это будет и того легче — без колебаний, без сожалений.

Но есть иная возможность. Все имеет свои истоки. Слабый росток эмпирического наблюдения крепнет и превращается в могучее дерево фундаментального знания. Тогда алхимия всего лишь недохимия. *Роджер Бэкон* — это недо-*Дальтон* и недо-*Пруст*, а его догадки — недозаконны о постоянстве состава и кратности. В этом случае все выстраивается в однолинейный ряд. А рассуждения об исторических развилках, тупиках, перепутьях и прочем снимаются. Тогда-то (заведомо заострю!) слова «Я тебя насквозь вижу» можно принять за предощущение открытия *Рентгена*, а *Леонардо да Винчи* можно посчитать предтечей нынешних космических полетов²³.

Есть и усредненный способ, по которому дело могло бы обстоять примерно так. Там, где *Бэкон* — экспериментатор-материалист, он — почти *Пруст* и почти *Дальтон*. Там же, где он маг, схоласт и мистик (нарочно все вместе!), он — бесплодный герметист.

Но можно поступить и вовсе иначе. Посчитав его теоретическую догадку, хотя и не осознанную ни им, ни его окружением, за нечто, похожее на эти два закона новой химии — постоянства состава и кратных отношений, примем эту догадку не за абсолют, а лишь за точку отсчета, привязанную к современному состоянию науки. С нее-то и начнем историческую реконструкцию. Тогда, возможно, два достаточно распространенных, хотя и противоположных взгляда на *Бэкона* (*Бэкон* преодолел поле тяготения современной ему среды настолько, что сравним с ученым нового времени; или: *Бэкон* „никогда не понимал, что такое экспериментальный метод“) будут сняты²⁴.

В чем же состоит «догадка» *Бэкона* и почему она осталась не осознанной и автором, и средой, оказавшись на протяжении полутысячелетия вне алхимического обихода — за пределами природоведческой европейской традиции?

Передо мною трактат знаменитого *оксфордца* «*Speculum Alchemia*» («Умозрительная алхимия», или «*Alchimia mirror*» — «Зеркало алхимии») (*Vascon*, 1702; Морозов, 1909, с. 50—93). Этот трактат Н. А. Морозов

²³ Кажется, так и назывался один из докладов на итальянском симпозиуме (1969 г.), посвященном *Леонардо*. Правда, ничуть не менее соблазнительна антикварно-музейная архаизация прошлого. И тогда афоризм Поля Валери — «Я так далеко забрел в *Леонардо*, что совсем не знаю, как вернуться к самому себе» (1936, с. 224) — покажется не изыщной метафорой, а сигналом реальной драмы, разыгрывающейся в сознании современного историка.

²⁴ Такая поляризация оценок, вероятно, коренится в объективной характеристике культуры европейского интеллектуального средневековья как принципиально амбивалентной культуры. Сознание *Бэкона*, как и сознание средневекового человека, двойственно, разъято. XIII век в Европе отмечен тщетой построить «град божий», крушением последних усилий сослечь веру и знание, ибо «тяготение к эмпирии препятствует распространению теософии. Синтез веры и знания не удается ни со стороны веры, не желающей подчиниться малому разуму, ни со стороны знания, убегающего от мистической веры...» (Карсавин, 1918, с. 194).